

УДК: 7.032(38)

ББК: 85.113(0)32

A43

DOI: 10.18688/aa177-1-13

Т. П. Кишбали

Семантика погребальных фасадов в IV веке до н.э. в юго-западной Малой Азии

Среди разнообразных скальных памятников юго-западной Малой Азии можно выделить особую группу гробниц, представляющих собой воспроизведение ордерного фасада. Ни одна из них не имеет точной датировки, но в целом самые ранние восходят к IV в. до н.э. Этот тип сооружений засвидетельствован вдоль побережья¹, но есть они и на внутренних территориях². Ареал распространения соответствует историческим областям Кари и Ликии — причем обращает на себя внимание то обстоятельство, что наибольшая концентрация памятников этого рода наблюдается в пограничной зоне между этими регионами³.

Чаще всего скальный фасад представляет собой «изображение» дистриля в антах ионического ордера. Дорический ордер представлен лишь небольшим количеством памятников и является скорее исключением⁴.

В настоящем исследовании предлагается проанализировать смысловую нагрузку одного из элементов этих гробниц — фасада. Сами погребальные камеры были сравнительно небольшими, простыми, слабо декорированными помещениями с каменными ложами (наподобие триклия) [8, p. 70; 15]. Камеры, безусловно, тоже обладали важным смысловым наполнением [4, p. 132–160] и образовывали общую семантическую единицу с фасадом, однако в данном случае нас интересует фасад как первичный носитель смысла, который был обращен к современникам и потомкам.

Малоазийские скальные гробницы, по сути, никогда не исчезали, всегда были на виду, их знали и описывали путешественники, однако наука лишь недавно открыла их для себя. Из исследователей, обращающихся к этим гробницам и к проблематике скальной архитектуры вообще, хотелось бы выделить Пааво Рооса [12; 13] и Оливье Анри [8], в чьих трудах приведены описания и предпринят глубокий анализ и синтез этих своеобразных, весьма «анатолийских» по характеру монументов. Вклад в пони-

¹ Тельмесс [13], Кавн [12], Идима и др.

² Например: «Бербер Ини» близ Милас [8, p. 137–141, pl. III]; гробница в Киане [5, p. 111, fig. 59], «гробница Беллерофонта» в Глосе [5, p. 66–68] и др. [11].

³ См. карту распределения гробниц с ордерными фасадами на территории юго-западной Малой Азии [8, p. 61, fig. 14].

⁴ В отличие от Македонии, где для оформления фасадов погребальных камер под тумулусами применяется, в первую очередь, дорика. В Македонии же исключением является, например, ионика в оформлении гробницы тумулуса Каста в Амфиполе.

мание семантики гробниц (и отдельно их фасадов) в малоазийском и общесредиземноморском контексте внесли и другие авторы [11; 3].

За этими памятниками в научной литературе закрепилось определение «гробницы-храмы» (temple tombs) [7, p. 19–24; 8, p. 55] из-за их сходства с античными храмовыми постройками, но, как нам кажется, это название, несмотря на удобство и распространенность, не соответствует характеру скальных гробниц. Их семантика требует уточнения.

Начнем с очевидного. Семантика, т. е. «значение» памятника, следует, в первую очередь, из его «назначения». Мы знаем, что это — гробницы; но это, кажется, не исчерпывает полностью их содержание. Как функционировали и как воспринимались эти гробницы жителями региона? Какие ассоциации должны были возникать у зрителей при виде этого типа фасадов?

Учитывая, что большинство скальных гробниц региона лишено каких-либо надписей, особую важность имела коллективная память общества. За поддержание состояния гробниц и за выполнение определенных заупокойных обрядов отвечали родственники усопших и специально назначенные люди (об их деятельности нам известно из эпиграфических источников, в основном эллинистического и римского времени), но и сами архитектурные формы тоже участвуют в активации и формировании коллективной памяти. Мы исходим из предположения, что данные скальные гробницы — это архитектура, которая отсылает зрителя к другим зданиям, т. е. апеллирует к уже имеющимся у него архитектурным представлениям.

В настоящей статье предлагается рассмотреть эту группу гробниц в контексте архитектуры региона. Не имея письменных источников, описаний погребальных ритуалов того времени и понимания монументов, мы можем опираться, в первую очередь, на аналогии. Можем обрисовать тот круг архитектурных смыслов, который, предположительно, побуждали эти памятники в сознании современников и потомков. Рассмотрим коротко основные формальные черты скальных гробниц с ордерными фасадами в юго-западной Малой Азии.

Памятники были высечены по высоким скальным стенам, недалеко от дорог, рек или заливов, т. е. всегда были хорошо обозримыми, фасад видели и те, кто не поднимался к этим, иногда трудно доступным, монументам. Они могли быть включены в «некрополь», комплекс разновременных и разнотипных захоронений, высеченных на одной скальной стене. Организация скального некрополя происходила как по горизонтали, так и по вертикали, но часто имела хаотический характер (возможно, это наследие некрополей «ликийского» типа с их бессистемным нагромождением гробниц). Многогранность, неровность, природные выступы исходного материала, безусловно, диктовали условия для расположения гробниц. «Ровный» ряд фасадов мы встречаем, только если гробницы расположены в непосредственной близости от земли (например, некрополь Инишдиби близ Идимы [10, fig. 8]), без верхних рядов. Исключение представляет собой некрополь Кавна (Илл. 20), где фасады выстроены сравнительно ровно (но и здесь нет гомогенного ряда одних лишь ордерных фасадов). Некрополь Тельмесса примечателен тем, что в нем на одной скале «уживаются» гробницы ликийского типа и ордерный фасад. Также в отношении Ликии важно отметить, что «ордерный» тип разительно от-

личается от другой значимой группы скальных гробниц, воспроизводящих ликийскую деревянную архитектуру. То, что ордерные фасады окружали многочисленные гробницы более низкого качества или же другого характера, только усиливало впечатление от них. Главный некрополь Кавна (В) в этом отношении также выделяется: здесь всего две простые гробницы, а настоящее соревнование ведется между нарядными большими фасадами. В некоторых же местах одна гробница стояла особняком, не окруженная другими. К таким памятникам относится, например, гробница «Бербер Ини» в Центральной Карики, вблизи Милас [8, р. 137–141, рл. III].

Типологически самой распространенной является конфигурация «ионический дистиль в антах». К этому типу принадлежат, например, почти все гробницы некрополя в Кавне⁵, ряд гробниц из окрестностей Идимы, а также один из самых крупных памятников — «гробница Аминты» в Тельмессе (Илл. 21). Этот тип многократно воспроизводился, фактически «тиражировался». Самый наглядный пример — как раз Тельмесс, где расположены два идентичных по структуре, лишь несколько отличных по масштабу гробничных фасада. Памятники имеют схожие пропорции и архитектурные детали. При следовании общей схеме контекст гробниц все же сильно влиял на их восприятие. «Аминта» стоит отдельно, тогда как ее «двойник», копия, стеснена со всех сторон маленькими гробницами ликийского типа. Впечатление от постепенного подъема к «гробнице Аминты» куда более полное и торжественное, чем дистанционное наблюдение за вторым фасадом, к которому даже нет прямого доступа.

В Кавне гробницы С 12 и В 6, находящиеся в отдалении друг от друга (в разных некрополях — С и В), тоже выполнены по одной архитектурной схеме [12, р. 96]. Логично предположить, что это связано, во-первых, с работой одной мастерской резчиков в разных местах, а во-вторых, с использованием ограниченного круга источников-образцов⁶. Однако даже если общая схема тиражировалась, в ее рамках было достаточно свободы для внесения изменений и дополнительных элементов. Скульптурная декорация этих гробниц обычно однотипная: это акротерии в форме пальметт (в центре) и полу-пальметт (по краям), а также рельефные патеры на антах — мотивы, имеющие погребальные и жертвенные коннотации. Впрочем, одна из гробниц Кавна (В 8) имеет фронтоный декор в виде рельефа с двумя львами и еще несколькими фигурами (птиц и, вероятно, химеры [12, р. 91–92]). Вдобавок на этой гробнице привычные угловые пальметты заменены фигурами сфинксов (Рис. 1).

Две другие гробницы из Кавна (В 2 и В 10) в тимпанах фронтонов имеют в середине обрамленную нишу, окно. Благодаря измерениям Пааво Рооса мы знаем, что глубина этих ниш — 270 и 240 см [12, р. 75]. Их назначение не установлено. Возможно, это места для дополнительных захоронений (в этом ощущается традиция ликийских «гробниц-домов» с несколькими ярусами, и саркофагов на высоких постаментах). Фор-

⁵ Кроме гробницы В 2, которая представляла собой незавершенный тетрастиль в антах — единственный пример такого типа (она же — редкий пример применения дорики).

⁶ Лишь отметим, что в традиции малоазийской скальной архитектуры такая практика встречается и раньше, например во Фригии в конце VII — начале VI в. до н.э. «Незаконченный монумент» и «монумент Ареястис» в «Городе Мидаса» являются точными копиями друг друга, выполненными по одной схеме [2].

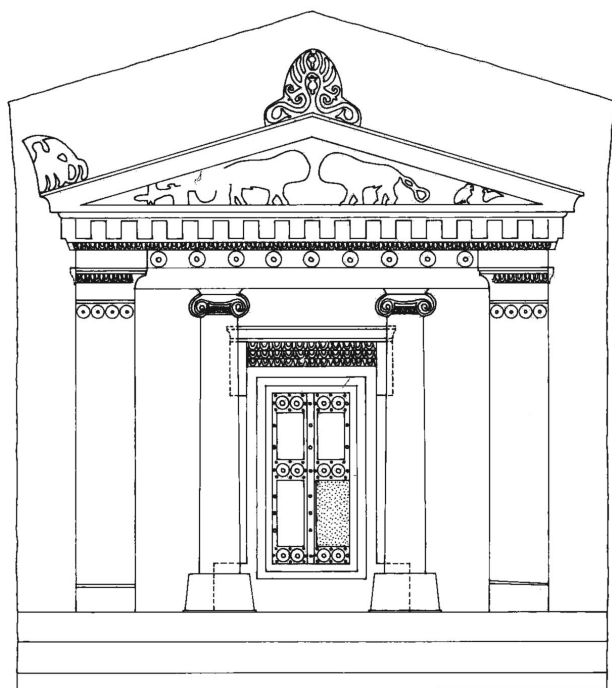
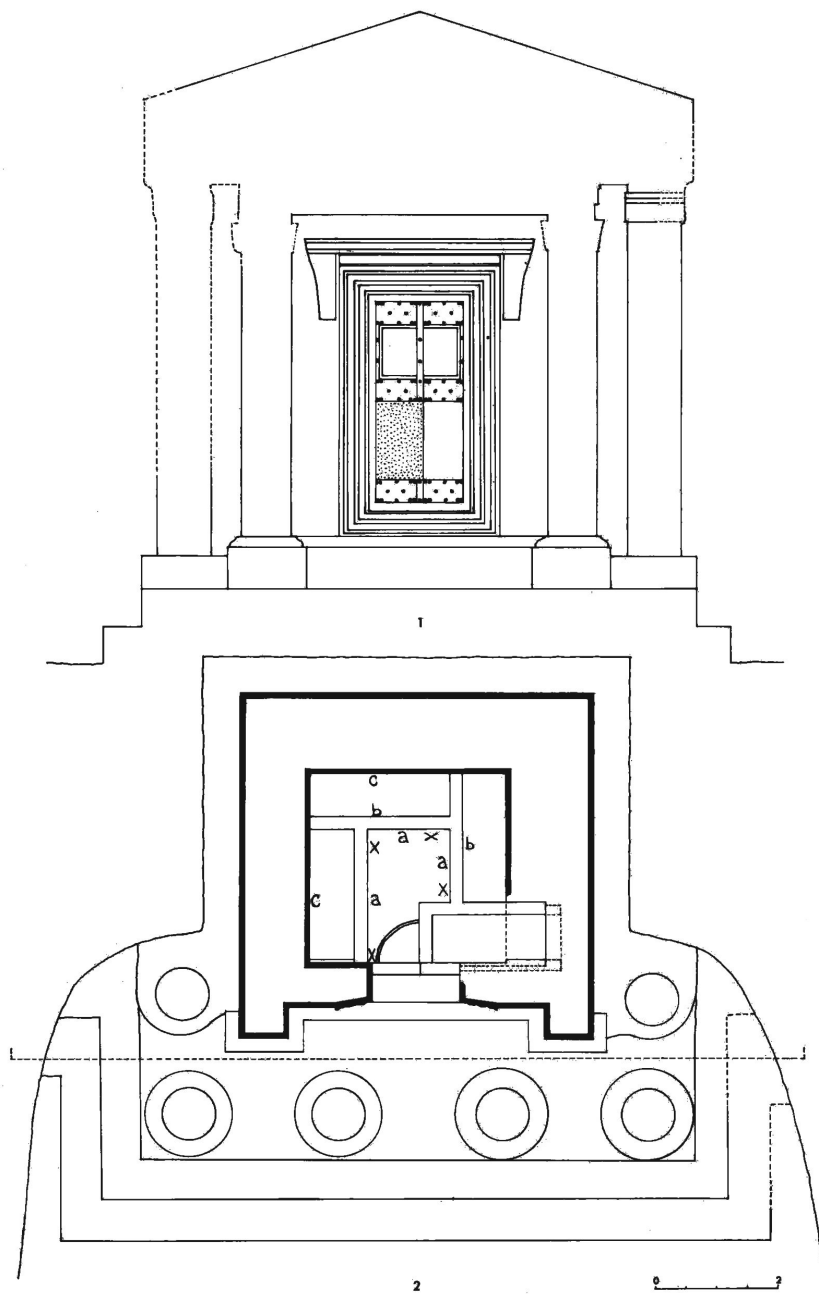

Рис. 1. Гробница В 8, Кавн. Дальян, Турция. По [12, pl. 29]

мально такой прием (окно в тимпане) встречается на некоторых фригийских рельефах типа «Кибела в наиске» (VII–VI вв. до н. э.), на мавзолее II–III в. н. э. в Мезгиткале, во фронте храма Артемиды в Эфесе (где было тройное окно) и во фронте эллинистического храма Артемиды в Магнесии. В двух последних случаях окна предположительно использовались для эпифании, инсценировки явления богини. Однако вряд ли гробницы Кавна связаны с этими храмовыми постройками или с эпифанией. Скорее всего, речь идет об элементе, который мог присутствовать и в «настоящих» архитектурных образцах региона, но был явно необязательным.

Гробница В 1 в Кавне (Рис. 2), к сожалению, имеет очень плохую сохранность, но по базам можно восстановить ее облик [12, p. 18–20]. Памятник имел четыре свободностоящие колонны — по сути, в скале была воспроизведена часть колоннады периптера; вход в гробницу, по этой же аналогии, представлял собой имитацию целлы с портиком в антах. Две «полуколонны» рядом с антами следует читать как колонны, не высвобожденные полностью из скального массива и продолжающие колоннаду. Эта гробница оказывается удивительно близка по общей схеме к монументу Нерейд из Ксанфа [7, fig. 61–63]. Характерной чертой является, например, расположение антов по отношению к колоннам. К этому сходству еще вернемся позже.

Здесь мы вплотную подошли к основной проблематике: к вопросу о прототипах и возможном архитектурно-семантическом поле. Малая Азия обладала собственной

1. B1, elevation. 2. B1, plan. 1:100.

Рис. 2. Гробница В 1, Кавн. Дальян, Турция. По [12, рл. 23]

древней традицией создания скальных рельефов и псевдо-архитектурных объемов, однако допустимо, что в V в. до н.э., и в еще большей мере в IV в. до н.э., она получила дополнительный импульс от Ахеменидской Персии, чьими подданными являлись ее жители. Представители малоазийской знати, побывавшие в Иране, могли видеть гробницы Великих царей в Накше-Рустаме; а персы, прибывшие в Малую Азию, могли поведать о них, но в любом случае традиция здесь развернулась в совершенно другой форме и другом масштабе. В Ахеменидской Персии скальные фасады предназначались только царям (прототипом-образцом для них являлся, по всей видимости, царский дворец [14, р. 81–82]), в то время как в Малой Азии, судя хотя бы по количеству памятников, помимо правителей ими пользовался достаточно обширный зажиточный слой.

На юго-западе Малой Азии первая половина IV в. до н.э. ознаменована рядом больших проектов, которые определили развитие монументальной архитектуры региона. В хронологическом порядке это уже упомянутый монумент Нерейд в Ксанфе, героон Перикла в Лимире и Мавзолей в Галикарнасе [7, р. 66–73]. В этих зданиях мы видим последовательную разработку различных модусов монументальности: инновационные схемы использования скульптуры, синтез черт локальной и эллинской архитектур, обусловленность репрезентативными требованиями местной элиты. Эти постройки были также и главными катализаторами развития региональной архитектуры, усиливая соревнование между группами локальных элит в юго-западной Малой Азии. На наш взгляд, появление ордерных фасадов и переориентация погребальной архитектуры на эту схему тесно связаны с реализацией этих монументальных проектов.

На примере гробницы В 1 в Кавне мы уже видели, что может быть прямое заимствование «трехмерной» архитектурной схемы, которая, возможно, была призвана и зрительно, и в смысловом аспекте связывать эти памятники — скальную гробницу и знаменитый монумент Нерейд. Однако этот тип, с условно обозначенным периптером, не стал популярным для скальных фасадов — возможно, из-за сложности исполнения в материале скальной архитектуры.

Вслед за Оливье Анри [8, р. 159–161] можем указать на один из возможных аналогов типа, выделенного в данной статье (дистиль в антах) среди памятников IV в. до н.э. Это два андрона, возведенные карийскими царями (и сатрапами) Мавсомом и Идриеем на территории святилища Зевса в Лабрандах. Здания были выстроены по идентичному проекту в 350-е и 340-е годы до н.э. [1]. Они представляли собой вытянутые прямоугольные сооружения, с портиком в антах, со смешанным орденом — на ионических колоннах покоился дорический антаблемент. Внешний облик андронов в Лабрандах, впрочем, в некоторой мере тоже был редуцирован к главному фасаду (Рис. 3). Этому способствовала планировка святилища и организация маршрута движения по нему [1, с. 422–423]. Царь проводил здесь пиры в сопровождении избранных представителей знати; таким образом, андроны играли важнейшую роль в репрезентации власти династии Гекатомнидов. В IV в. до н.э. и в эпоху эллинизма этот феномен находит параллели в разных регионах, где пиры и созданные для них специальные залы или постройки занимают особое место в жизни аристократии [9] и в ее представлениях о смерти [4, р. 3–4; 6]. Помимо зримых параллелей архитектурного типа, необходимо помнить о том, что в погребальной камере подавляющего большинства скальных фасадов рассматри-

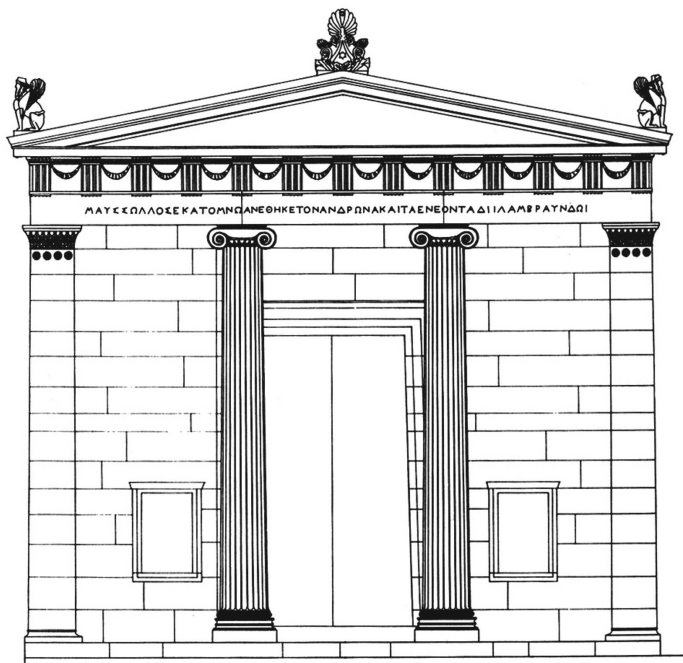

Рис. 3. Фасад «андрона В» в Лабрандах. Турция. © Labraunda Project

ваемой группы находились погребальные ложа, расположенные вдоль стен, по образцу триклиния.

На основании одних лишь этих гипотез, конечно, нельзя заменить устоявшийся термин «гробница-храм», скажем, на «гробница-андрон» или еще на какое-нибудь другое словосочетание. Возможно, данные наблюдения относятся лишь к узкому кругу памятников-фасадов и не применимы для всего корпуса скальных гробниц с IV в. до н.э. и далее. Однако осознание возможности того, что вместе с устойчивыми архитектурными формами могли передаваться и определенные смыслы, помогает нам лучше понять культуру жителей юго-западной Малой Азии в IV в. до н.э.

Литература

1. Кишбали Т. П. Святилище в Лабрандах и династия Гекатомнидов // Индоевропейское языкознание и классическая филология: XVIII (чтения памяти И. М. Тронского) / Ред. Н. Н. Казанский. — СПб.: Наука, 2014. — С. 419–429.
2. Кишбали Т. П. Фригийские скальные фасады // Исторические Исследования. — 2015. — №. 2. — С. 284–292. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/33> (дата обращения: 27.01.2017).
3. Ambrosini L. The Rock-Cut Temple Tombs in the Mediterranean Area // 5th International Congress on Science and Technology for the Safeguard of Cultural Heritage in the Mediterranean Basin, 2011. — Roma: Valmar, 2011. — P. 229–236.
4. Vaughan E. P. Couched in Death: Klinai and Identity in Anatolia and Beyond. — Madison: University of Wisconsin Press, 2013. — 487 p.

5. *Bean G. E.* Lycian Turkey: An Archaeological Guide. — London; New York: Ernest Benn-Norton, 1978. — 198 p.
6. *Dining and Death: Interdisciplinary Perspectives on the "Funerary Banquet" in Ancient Art, Burial and Belief / Eds. C. M. Draycott, M. Stamatopoulou.* — Leuven: Peeters, 2016. — 690 p.
7. *Fedak J.* Monumental Tombs of the Hellenistic Age. — Toronto: University of Toronto Press, 1990. — 498 p.
8. *Henry O.* Tombes de Carie: Architecture funéraire et culture carienne VIe–IIe siècle av. J.-C. — Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2009. — 289 p.
9. *Hoepfner W.* Zum Typus der Basileia und der königlichen Andrones // *Basileia: Die Paläste der Hellenistischen Könige / Hrsgg. W. Hoepfner, G. Brands.* — Mainz: Philipp von Zabern, 1996. — S. 1–43.
10. *Ïren K.* Preliminary Report on the Archaeological Field Survey in Idyuma and Its Vicinity // *Euploia: La Lycie et la Carie antiques: Dynamiques des territoires, échanges et identités.* — Bordeaux: Ausonius, 2013. — P. 345–358.
11. *Nováková L.* What Hides behind the Façade?: Lyco-Carian Rock-Cut Tombs Re-discovered // *Turkey Through the Eyes of Classical Archaeologists.* — Trnava: Trnavská univerzita, 2014. — P. 58–72.
12. *Roos P.* The Rock-Cut Tombs of Caunus. Vol. 1: The Architecture. — Göteborg: Paul Åströms Förlag, 1972. — 124 p.
13. *Roos P.* Survey of Rock-Cut Chamber-Tombs in Caria. Vol. 1: South-Eastern Caria and the Lyco-Carian Borderland. — Göteborg: Paul Åströms Förlag, 1985. — 75 p.
14. *Schmidt E. F.* Persepolis. Vol. 3: The Royal Tombs and Other Monuments. — Chicago: University of Chicago Press, 1970. — 174 p., 105 pl.
15. *Seyer M.* Zur Ausstattung der Kammern lykischer Felsgräber // *Istanbuler Mitteilungen.* — 2009. — № 59. — S. 51–82.

Название статьи. Семантика погребальных фасадов в IV веке до н.э. в юго-западной Малой Азии.

Сведения об авторе. Кишбали, Тамаш Петер — кандидат искусствоведения. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ленинские Горы, д. 1, Москва, Российская Федерация, 119991. kisbalim@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждается семантика скальных гробниц юго-западной Малой Азии IV в. до н.э., представляющих собой изображение ордерного фасада. Данный тип распространен в исторических областях Кари и Ликии, причем наибольшая концентрация памятников наблюдается в пограничной зоне между этими регионами. Среди памятников наблюдается широкое разнообразие формальных решений, но доминирует схема ионического дистиля в антах. Автор исходит из положения, что гробницы местных знатных семей стали оформлять с использованием элементов классического ордера под влиянием монументальных архитектурных проектов первой половины — середины IV в. до н.э. — монумента Нереид в Ксанфе, героона Перикла в Лимире, Мавзолея в Галикарнасе. В статье предлагается включить в круг прототипов и андроны (пиршественные залы), столь важные в жизни малоазийской аристократии (в качестве примера приводятся постройки святилища в Лабрандах). Автор предполагает, что речь идет не только о формальном подражании, но и о сознательном переносе значений при обращении с прототипами.

Ключевые слова: античная Малая Азия; Ликия; Кария; Термесс; погребальная архитектура; IV век до н.э.; поздняя классика; скальные гробницы; скальная архитектура.

Title. The Meaning of Tomb Façades in 4th Century BC South-Western Asia Minor.

Author. Kisbali, Tamás Péter — Ph. D. Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation. kisbalim@gmail.com

Abstract. This article analyses the semantics of rock-cut tomb façades in 4th century Asia Minor, focusing on the ones with elements of Classical order. This type is well-attested in Lycia and Caria, especially in the borderland of these two historical regions. The monuments demonstrate a variety of architectural solutions, but the Ionic distyle in antis can be singled out as the most popular scheme. The author's base assumption is that these rock-cut tombs appeared under the influence of the powerful monumental architecture of the first half — middle of the 4th century BC, e.g. the Nereid Monument in Xanthos, the Heroon of Perikles in Limyra and the Mausoleum at Halikarnassos. The free-standing andron buildings are included in the list of possible prototypes as well (exemplified by the androns at the sanctuary at Labraunda). These constructions played an exceedingly important role in the life of the elites of Asia Minor. The author supposes that in the case of rock-cut tombs, it is possible to speak about not only the imitation of certain formal features, but also of the transfer of meanings.

Keywords: ancient Asia Minor; Lycia; Caria; funerary architecture; 4th century BC; late Classic period; rock-cut tombs; rock-cut architecture.

References

- Ambrosini L. The Rock-Cut Temple Tombs in the Mediterranean Area. *5th International Congress on Science and Technology for the Safeguard of Cultural Heritage in the Mediterranean Basin, 2011*. Roma, Valmar Publ., 2011, pp. 229–236.
- Baughan E. P. *Couched in Death. Klinai and Identity in Anatolia and Beyond*. Madison, University of Wisconsin Press Publ., 2013. 487 p.
- Bean G. E. *Lycian Turkey. An Archaeological Guide*. London; New York, Ernest Benn-Norton Publ., 1978. 198 p.
- Bryce T. R.; Zahle J. *The Lycians. Vol. 1. The Lycians in Literary and Epigraphic Sources*. Copenhagen, Museum Tusulanum Press Publ., 1986. 273 p.
- Draycott C. M.; Stamatapoulou M. (eds.). *Dining and Death. Interdisciplinary Perspectives on the "Funerary Banquet" in Ancient Art, Burial and Belief*. Leuven, Peeters Publ., 2016. 690 p.
- Fedak J. *Monumental Tombs of the Hellenistic Age*. Toronto, University of Toronto Press Publ., 1990. 498 p.
- Henry O. *Tombes de Carie. Architecture funéraire et culture carienne VIe-IIe siècle av. J.-C.* Rennes, Presses universitaires de Rennes Publ., 2009. 289 p. (in French).
- Henry O. Hecatomnos, Persian Satrap or Greek Dynast? The Tomb at Berber İni. *Hellenistic Karia*. Bordeaux, Ausonius Publ., 2010, pp. 103–121.
- Hoepfner W. Zum Typus der Basileia und der königlichen Andrones. *Basileia. Die Paläste der Hellenistischen Könige*. Mainz, Philipp von Zabern Publ., 1996, pp. 1–43 (in German).
- İren K. Preliminary Report on the Archaeological Field Survey in Idyma and its Vicinity. *Euploia. La Lycie et la Carie antiques. Dynamiques des territoires, échanges et identités*. Bordeaux, Ausonius Publ., 2013, pp. 345–358.
- Kisbali T. P. A Sanctuary at Labraunda and the Hecatomnid Dynasty. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya: chteniia pamiati I. M. Tronskogo (Indo-European Linguistics and Classical Philology: The Joseph M. Tronsky XVIII Memorial Annual International Conference)*. N. N. Kazanskiy (ed.). Saint Petersburg, Nauka Publ., 2014, pp. 419–429 (in Russian).
- Kisbali T. P. Phrygian Rock-Cut Façades. *Istoricheskie Issledovaniia (Historical Studies)*, 2015, no. 2, pp. 284–292. Available at: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/33> (accessed 27 January 2017) (in Russian).
- Nováková L. What Hides behind the Façade? Lyco-Carian Rock-Cut Tombs Re-Discovered. *Turkey Through the Eyes of Classical Archaeologists*. Trnava, Trnavská univerzita Publ., 2014, pp. 58–72.
- Roos P. *The Rock-Cut Tombs of Caunus. Vol. 1. The Architecture*. Göteborg, Paul Åströms Förlag Publ., 1972. 124 p.
- Roos P. *Survey of Rock-Cut Chamber-Tombs in Caria. Vol. 1. South-Eastern Caria and the Lyco-Carian Borderland*. Göteborg, Paul Åströms Publ., 1985. 75 p.
- Schmidt E. F. *Persepolis. Vol. 3. The Royal Tombs and Other Monuments*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 1970. 174 p.
- Schweyer A.-V. *Les Lyciens et la mort. Une étude d'histoire sociale*. Istanbul, Institut Français d'Études Anatoliennes-Georges Dumézil Publ., 2002. 317 p. (in French).
- Seyer M. Zur Ausstattung der Kammern lykischer Felsgräber. *Istanbul Mitteilungen*, 2009, no. 59, pp. 51–82 (in German).

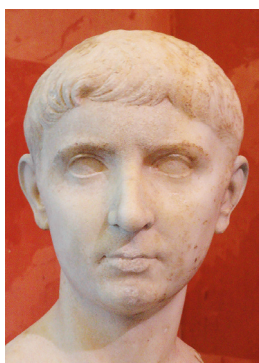
Илл. 20. Некрополь в Кавн. Общий вид. Дальян, Турция. Фото Т. П. Кишбали

Илл. 21. «Гробница Аминты» в Тельмессе. Фетхие, Турция. Фото Т. П. Кишбали

Илл. 22. Портрет юноши из семьи императора Августа. Конец I в. до н. э. ГЭ, Санкт-Петербург. Вид спереди

Илл. 23. Портрет юноши из семьи императора Августа. Конец I в. до н. э. ГЭ, Санкт-Петербург. Вид спереди. Фрагмент

Илл. 24. Портрет юноши из семьи императора Августа. Конец I в. до н. э. ГЭ, Санкт-Петербург. Вид сзади